

Исходная страница:

<http://intersectionproject.eu//ru/article/security/gosudarstvennaya-programma-vooruzheniy-2027>

• Автор: [Павел Лузин](#)

[Государственная программа вооружений-2027](#)

В 2018 году стартовала новая российская государственная программа закупки вооружений, рассчитанная на 10 лет (ГПВ-2027) и сумму [свыше 20 трлн рублей](#) (более \$330 млрд по текущему курсу). Насыщение армии и силовиков новым оружием и поддержание российской военной промышленности на плаву — это одни из ключевых целей Кремля, призванных сохранить существующий режим. Однако за цифрами расходов четко прослеживается политический контекст.

Нынешняя российская власть не видит для России созидательной роли в глобальном мире. Она все больше осознает невозможность примириться с Западом. При этом Москва фокусируется на военном доминировании на континенте, а потенциал операций вдали от границ рассматривает исключительно как проекцию «зон запрета доступа» (A2/AD). И все это вкупе с тяготением к новым протекционистским мерам в экономике при дальнейшем ее огосударствлении.

Финансовые и политические особенности ГПВ

Предыдущая ГПВ, рассчитанная на 2011-2020 гг., еще не завершена, т.е. последние три года старой программы будут первыми годами новой. Такой подход в первую очередь позволяет российской власти и

военной промышленности маскировать неудачи и сдвигать вперед сроки создания и производства новых вооружений. Также он позволяет сглаживать [лоббистскую войну](#) между видами войск и соответствующими производителями вооружений: у «проигравших» остается предсказуемый уровень финансирования на оставшееся до завершения ГПВ-2020 время.

При этом ГПВ-2020 предполагала финансирование на уровне 19,4 трлн руб. по линии военных. Однако в 2011-2017 гг. она была профинансирована на сумму около 9 трлн, а в 2018 году должна получить еще 1,5 трлн. То есть завершающаяся программа уже никак не будет оплачена в полном объеме, что говорит о дисбалансе между планами властей и актуальным состоянием оборонной промышленности и экономики в целом. Но в любом случае Кремль готов выделять на вооружения огромные суммы, поскольку поддержание на плаву военно-промышленных предприятий является [столь же важной](#) целью ГПВ, как и насыщение российских ВС новым оружием и техникой в условиях конфронтации с Западом.

В игры вокруг ГПВ оказываются вовлечены как руководители компаний и высшие чиновники, так и власти тех регионов и городов, где размещаются военные заводы. Прямыми бенефициарами программы вооружений также являются 2 миллиона сотрудников российской военной промышленности. Это, в свою очередь, поддерживает легитимность авторитарного режима, опирающегося на корпоративизм и патернализм.

Нельзя не сказать и о проблемах самой российской военной промышленности. Оборонные компании почти полностью зависят от расходов бюджета и в массе своей генерируют убытки. В такой системе любая долгосрочная программа подвергается постоянным корректировкам, а политический вектор оказывается более устойчивым.

Оборонные активы и консолидация элиты

Вместе с тем понятно, что военные заводы не могут вечно получать триллионы рублей из бюджета. В силу системной неэффективности вместе с ростом выручки российские оборонные компании наращивают издержки и долговую нагрузку. Российская власть осознает эту проблему и ставит задачу: довести долю гражданской продукции в выручке военных заводов до 30% к 2025 году и до 50% к 2030 году. Свидетельством происходящего осознания являются и начавшиеся перемены в управлении военной промышленностью.

Так, государственная корпорация «Ростех», владеющая львиной долей российской оборонной промышленности, в 2017 году [завершила](#) присоединение Курганского машиностроительного завода, производителя боевых машин пехоты, который входил в обанкротившийся концерн «Тракторные заводы». С начала 2018 года госкорпорация [готовится присоединить](#) государственную «Объединенную авиастроительную корпорацию» (ОАК), обеспеченную заказами на боевые и транспортные самолеты по ГПВ-2027. Это происходит в условиях, когда после 2020 года военные закупки вертолетов (производятся «Вертолетами России», входящими в «Ростех») [серьезно сократятся](#). То есть здесь вероятна консолидация производителей самолетов и вертолетов.

При этом еще несколько лет назад приоритетом был максимально полный контроль над наиболее привлекательными активами в свете постоянно увеличивавшихся военных расходов. Так создавались «Ростех», ОАК и др. Даже в 2014 году [рассматривалась](#) возможность выкупа РТИ (производство радиолокационных станций, систем связи и электроники) у АФК «Системы» в пользу компании «Алмаз-Антей», государственного производителя средств ПВО/ПРО. Однако тогда от идеи отказались из-за рисков распространения западных санкций на РТИ.

С тех пор военные расходы достигли пика, отраслевые издержки также выросли. И уже в 2017 году возникла [идея](#) не выкупа, а объединения активов РТИ с профильными активами «Ростеха», тем более что к концу года компания РТИ была включена в [список](#) оборонных предприятий, на которые могут быть распространены американские санкции в рамках закона CAATSA.

«Ростех» также оказался [готов распрощаться](#) с контрольным пакетом «Калашникова», оставив у себя лишь блокирующий пакет. Правда, основным покупателем [выступит](#) гендиректор предприятия Алексей Криворучко. Он близок и к Сергею Чемезову (глава «Ростеха»), и к олигархам Искандеру Махмудову и

Андрею Бокареву (к 2015 году купили 49% «Калашникова», но в ноябре 2017-го [решили продать](#) свою долю). Еще «Ростех» собирается [продать](#) 49% акций компании «Высокоточные комплексы», чтобы инвестор помог ей нарастить производство гражданской продукции.

В ближайшем будущем изменения могут произойти и в оборонных активах еще одного олигарха, Олега Дерипаски, который владеет заводом «Авиакор» (ремонт и модернизация бомбардировщиков Ту-95) и «Военно-промышленной компанией» (производство бронетранспортеров и броневедомостей). Кремль, судя по всему, пытается разделить бремя оборонной промышленности с придворными «жирными котами» (которые к тому же сохранили тесные деловые и личные связи с западным бизнесом, что важно для Москвы в условиях санкций), а также повысить консолидацию внутри российской элиты. Все это — в обмен на долю в ГПВ-2027.

Перспективы нерыночной экономики

Однако вряд ли может рассчитывать на экономический рывок страна, где свыше 70% ВВП производится в секторах, контролируемых государством, и где главными политическими целями являются сохранение целостности режима и изменение международных правил игры. Отсюда можно прогнозировать наиболее вероятный путь того, как Кремль будет делать свои расходы по ГПВ-2027 двигателем промышленного «развития» России. Это путь дальнейшего усиления протекционизма и создания специальных условий для оборонных компаний.

Например, ОАК [готовится](#) к серийному производству новых пассажирских самолетов МС-21 и Ил-114, участвует в российско-китайском проекте по созданию широкофюзеляжного лайнера CRJ-929 и работает над возобновлением производства пассажирского широкофюзеляжного Ил-96-400. Все эти проекты сопровождаются разнообразными бюджетными субсидиями — для предприятий, для лизинговых компаний и т.д. Российские власти на этом не останавливаются и [готовятся расчищать](#) для новых гражданских самолетов нишу, занятую *Boeing* и *Airbus* — опять же за счет новых субсидий, льгот и таможенных пошлин. Но в России уже [раздаются голоса](#) в пользу более жестких ограничений для зарубежных производителей.

Параллельно Кремль [рассматривает опцию](#) обязать государственные компании в приоритетном порядке закупать гражданскую продукцию, которая будет производиться оборонными предприятиями. Понятно, что в случае реализации таких мер, доля государства в ВВП возрастет еще больше. Таким образом, к концу ГПВ-2027 остатки рыночной экономики в России могут быть окончательно загнаны в своеобразное гетто. Это стало бы закономерным результатом попыток сбалансировать нынешнюю российскую политическую и экономическую систему.

Концентрация на континенте и проекция А2/АД

Разумеется, у ГПВ-2027 есть внешнеполитическое значение. Предыдущая программа отдавала приоритет воздушно-космическим силам (7,9 трлн руб. на авиацию, средства ПВО/ПРО и военные спутники) и флоту (5 трлн), в то время как сухопутные войска и ракетные войска стратегического назначения (РВСН) получали значительно меньше (2,6 трлн и 1 трлн). Для новой программы [декларируется](#) стремление к балансу, т.е. расходы на сухопутные силы и РВСН увеличены, а на военно-морские силы (как минимум) — сокращены.

ГПВ-2020 готовилась в условиях, когда Кремль заявлял о стремлении к модернизации России, к усилению ее роли в мировой экономике и к «перезагрузке» отношений с Западом после войны в Грузии. Поэтому одним из главных приоритетов предыдущей программы стала проекция силы. Тогда Москва заказала у Франции 2 вертолетоносца «Мистраль», еще 2 собиралась строить по лицензии, также планировалась серия больших десантных кораблей и две серии фрегатов дальней морской зоны. Понятно, что активные действия на морских коммуникациях требовали если и не коалиционных действий, то как минимум хороших отношений с США и Европой. Однако все эти планы вскоре были перечеркнуты сначала возвращением Владимира Путина на пост президента, а затем и аннексией Крыма. Новые приоритеты Москвы в сфере вооружений рождались уже в Украине и Сирии.

Кремль окончательно вернулся к классической идее военного доминирования над соседями по

континенту, поэтому [увеличиваются расходы](#) на сухопутные вооружения. Здесь делается [ставка](#) на танки, новые бронетранспортеры и т.д. В этой связи, кстати, российская власть должна с удовлетворением наблюдать, как Китай увязает в Индо-Тихоокеанских морских вопросах. России в экономическом плане нечего предложить Центральной Азии (это предлагает Пекин), зато возможности силового вмешательства в регионе сохраняются полностью в российских руках.

Проекция силы вдали от российских границ все еще возможна, но будет осуществляться в основном по воздуху — по новой программе вооружений Россия должна построить несколько десятков модернизированных транспортных самолетов Ил-76, модернизировать существующие дальние бомбардировщики и разработать новый. Главной задачей флота становится создание прибрежных «зон запрета доступа» (A2/AD) у российских берегов или вдали от границ по сирийскому сценарию вкупе с наземными силами, оснащенными системами ПВО/ПРО. С этим также связаны [следующие приоритеты](#) ГПВ-2027: крылатые ракеты морского и воздушного базирования и корабли ближней морской зоны. Соответственно, каждая потенциальная военная кампания России за рубежом, проводимая регулярными силами, будет сопряжена с развертыванием постоянной военной базы.

Что касается ядерных сил, то ГПВ-2027 продолжает и дополняет предыдущую программу. Производство межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Ярс», судя по всему, удалось увеличить до [12-16](#) единиц в год вместо [6-10](#) в 2000-х гг. Правда, к 2027 году [необходимо](#) будет заменить [примерно 190](#) существующих МБР. Поэтому предпринимаются [попытки](#) создать новую тяжелую (свыше 100 тонн) МБР «Сармат» взамен постепенно снимаемых Р-36 «Воевода» украинского производства. Новой разработкой занимается ГРЦ им. Макеева. При этом Россия [не скрывает](#) своего интереса в том, чтобы новая МБР имела возможность летать через Южный полюс, что прямо запрещено [договором ОСВ-2](#) от 1979 года. Помимо этого, конечно, планируется завершить строительство серии из 8 подводных лодок с баллистическими ракетами «Борей» и [начать создание](#) 4 лодок «Борей-Б».

ГПВ-2027 - в случае реализации основных планов - сработает на усиление конфронтации Кремля и Запада. И любая власть в постпутинской России столкнется с соблазном свести нормализацию отношений лишь к контролю над вооружениями.

теги

[military](#)

[NATO](#)

категории

[Security](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu